

Дали

Ну, осуждайте меня, осуждайте!
Правила смерти своей соблюдайте!
Вычленив самый удачный эпитет,
Противоречья как зубы сцепите,
Дабы бастарду не дать обнаружить
Быта-креста распинающий ужас!

Ну, обнажайте меня, обнажайте!
Стереотипами встык окружайте!
Пересыпайте хотения перхоть!
Сейте на тщетных усилий поверхность
Чистых идей анемичные зерна!
И надзирайте за всходами скорбно...

Творчества вены, как ящики, вскрою,
Всех приглашая в свою паранойю!
Вместе пойдем по тропе извлечений
Неизлечимо больных развлечений;
Встретим беспечно аморфные орды,
Раскровенив подсознания фьорды.

Страшно? Да просто преступно, что страстно
Сверх допустимого; тесно! и ясно,
Что сумасшествие суть парадигма.
Тихой домашней истерики стигма
Вскользь выступает семейным уютом,
До образцовых пределов раздутым.

Очи залейте свинцом и свяжите
Руки, отринув бесчисленность житий
Дышащей груды вареных фасолин —
Как невозможное! Странно устроен
Каждый из нас: в зеркалах безразличья
Ищет подобное Богу обличье.

Встать над гурманством обжорного века
Можно лишь в качестве сверхчеловека,
Сверх нибелунговцев — Гитлера, Ницше —
И созерцать не в психушке, а в Ницце
Зорким хрусталиком калейдоскопа —
Как африканствует крошка-Европа.

Бог достоверно немислимых множеств!
Бог безутешных скорбей и убожеств,
В Новой традиции — неназываем!
Кистью моей исступленно взывает
Твой вековечно гонимый Спаситель!..
Как отстоять мне Тебя, Вседержитель?!!

Из книги «Сей чудной Адрии устойчивая радость»

Пустоцвет ореха. Тропинка к морю.
Посреди развалин – цветущий кактус.
Зарастают стены чужого горя...
Разве это стены? Останки...

Перемена участи всем знакома.
Если штормы зимние камень сточат –
И уклад ломается как солома.
Только дух и прочен.

Дорогое время! Не час – секунда
Нам дает уверенность. Время – вера
В бесконечность лучшего. Это – трудно.
...Поверяй гармонию – мерой.

Из книги «Остров Мусорного Христа»

Все, чем ведали боги, теперь отошло человеку,
Умножая возможности духа; и просто войти
Легче в дряхлую Лету, чем в тихо текущую реку,
Чья неспешная мощь ничьему параллельна пути.

И стремясь отцепиться от Вечности — тайны сосущей,
Задохнешься сочувствием в час на случайной версте
Лютой доле улитки, свой дом одиноко несущей
На привыкшем к неровной и трудной дороге хвосте.

Леди Макбет

Смерть и смерть, и смерть — мелодия
В небо канувших детей.
Но еще страшней бесплодие —
Бремя вечности смертей.

Ты воюешь; появляешься
Редкой ночью, сгоряча;
Если нет похода — маешься,
Чахнешь, впору звать врача.

Смысл сокрыт в причине смелости:
Если не наметишь цель —
Сквозь плато доступной зрелости
Старости маячит щель.

...С точки зренья бесконечности,
Все мы — сущие рабы.
Предлагая сделку вечности,
Ставь на проигрыш судьбы,

Сей высокие понятия.
Что пожнешь, впрягая в плуг
Чистокровное проклятие
Безнадёжно праздных рук?

Многочисленными бедами
Напрочь вытеснены сны.
Я участливо беседую
В голубом аду Луны

Со — всё более, все далее
Стонущим в ночи — тобой.
Мы — Всевышнего сандалии,
Стоптанные Сатаной.

Беатриче

В горниле изумрудного исчезла с головой
Девчушка, но внезапно и невинно
Является, исполнена цветами и травой:
Дыханье роз на стебле розмарина.

Еще кувшином радости светло прольется плач,
А тело — то легко, то непослушно,
И чтит предначертание, как прилетевший грач,
Весну переносящий простодушно.

Застегивая запонкой мгновения объем,
Пространство, подрастая, примеряет:
То резво мчится в запуски с потешным юным псом,
То, в тишину закутавшись, читает.

В упрямстве и покорности пленительно права,
Душой недосыгаемо взрослеет.
Стеснительно сияет полнотою естества
И свет Непостигаемого сеет.

Мандельштам

Помоги, о Всевышний, чеканить объем, а не плоскость
То — десницею духа, то — явственно точной киянкой,
Зарываться в пространство как в сено сурового Босха,
А Иакова лестницу числить простою стремянкой;

Жадно жить, несмотря ни на что, и упасть на пригорке
Перед тем, как в могилу просторную нехотя ляжешь,
Чуя звонкую пряность сухой апельсиновой корки
Да янтарного меда тягучую тонкую тяжесть.